

Ирина Одоевцева

НА
БЕРЕГАХ
СЕНЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
О 44

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-30767-4

© И. В. Одоевцева (наследник), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Любовь движет солнце и другие звезды.

Данте

Мои воспоминания — «На берегах Невы» и «На берегах Сены» — своим появлением на свет обязаны исключительно Юрию Константиновичу Терапиано, памяти которого я и посвящаю эту книгу. Он был ее первым читателем, первым судьей. Конечно, глава о самом Юрии Константиновиче написана мною уже после того, как смерть безжалостно похитила его у нас. Он не дождался выхода книги в свет. Но то, о чем мечтал, то, во что заставил поверить и меня, сбывается: моя книга, которая за рубежом дошла всего до нескольких тысяч читателей — плачевно малы стали тиражи наших эмигрантских изданий! — теперь отправляется к сотням тысяч читателей на нашей родине. Я счастлива, что могу донести до вас, мои дорогие читатели, дыхание и чувства тех, кто так долго жил без родины, счастлива, что могу их сегодня для вас воскресить.

В предисловии к книге «На берегах Невы» я просила у читателя любви к тем, о ком пишу, потому что, как сказал Габриэль Марсель, «любовь дарует временное бессмертие». Каждый раз, когда произносишь «я тебя люблю», — это значит, что ты не умрешь, не умрешь, пока я, любящий тебя, буду жить.

И читатели в своем сердце и памяти откликнулись на мою просьбу. За это я им глубоко благодарна.

Теперь я обращаюсь к вам с той же просьбой о любви к людям, о которых я пишу в этой книге. Все они нуждаются в еще большей любви не только потому, что «горек хлеб и круты ступени земли чужой», но и потому, что еще более, чем хлеба, им не хватало любви читателя, и они задохнулись в вольном воздухе чужих стран. Ведь всем поэтам больше всего нужна любовь. Петрарка писал: «Я не хочу, чтобы меня через триста лет читали. Я хочу, чтобы меня любили».

Нет другой страны, где так любят и ценят писателей, а особенно поэтов, как в России. Здесь считают, что поэты мыслят стихами.

Я согласна с Мариной Цветаевой, говорившей в 1923 году, что из страны, в которой стихи ее были нужны, как хлеб, она попала в страну, где ни ее, ни чьи-либо стихи никому не нужны. Даже русские люди в эмиграции перестали в них нуждаться. И это делало поэтов, пишущих на русском языке, несчастными.

И если вы, мои читатели, исполните мою просьбу и полюбите тех, о ком я сейчас пишу, — вы обязательно подарите им временное бессмертие, а мне сознание, что я не напрасно жила на этом свете.

О, любите их, любите, удержите их на земле!

Ирина Одоевцева

1983–1989

Париж—Москва

Вот уже три месяца, как я — навсегда, о чем я еще и не подозреваю, — покинула Петербург. Первый месяц я прожила в Риге, где обосновался мой отец, а оттуда перебралась в Берлин.

Нравится мне здесь, за границей? Нет, совсем не нравится. Всё тут «не то и не так». Не об этом я мечтала в Петербурге, не так я себе представляла заграничную жизнь.

Мне часто хочется вернуться домой, но об этом я и заикнуться не смею — мой отец упал бы в обморок, услышав, что я хотела бы вернуться в Петербург.

Я никому не признаюсь в том, что разочарована. Большинство бежавших из России в восторге от берлинской жизни и наслаждается ею. Подумать только — сплошной праздник — магазины, где можно все, что угодно, купить, рестораны, кафе, такси. Чего же еще желать?

О стихах здесь как будто все забыли. Трудно поверить, что эти самые люди еще совсем недавно шли по неосвещенным, страшным ночным улицам, усталые, голодные и озябшие, шли в мороз, под дождем, часто через весь Петербург, только для того, чтобы в Доме искусств или в Доме литераторов послушать стихи.

В Берлине я живу одна, на положении «соломенной вдовы». Георгий Иванов вот уже неделя как уехал в Париж повидать свою маленькую дочку Леночку, ну и, конечно,

свою первую жену. Уехал с моего позволения и даже благословения — я, слава богу, не ревнива. На время его отсутствия я устроилась вполне комфортабельно — у меня спальня и приемная в немецком пансионе и меня, «соломенную вдову», постоянно навещают друзья и знакомые, заботящиеся, по его просьбе, обо мне.

Я, как полагается, с утра бегаю по магазинам, обедаю в ресторанах «Медведь» или «Ферстер», а по вечерам бываю в разных кафе, сборных пунктах беженцев.

Словом, по Оцупу:

Я время дельно провожу,
Я изучаю модный танец,
В кинематограф я хожу —
Это ведь тоже полагается¹.

Модные танцы мы все в Берлине усердно изучаем. Ими увлекается и седоволосый Андрей Белый, связывающий, как это делал и Ницше, танец с философией. Для него теперь день без танцев — пропавший день. Он в одной из «танцевальных академий» часами проделывает с вдохновенным видом особую «кнохен гимнастик» и пляшет как фавн, окруженный нимфами.

Зрелище довольно жуткое, особенно когда эти пляски происходят в каком-нибудь берлинском «диле»-кафе, где танцуют. Там Андрей Белый, пройдя со своей партнершей в фокстроте несколько шагов, вдруг оставляет ее одну и начинает «шире, все шире, кругами, кругами» ритмически скакать вокруг нее, извиваясь вакхически и гримасничая. Бедная его партнерша, явно готовая провалиться сквозь пол от стыда, беспомощно смотрит на него, не решаясь тронуться с места. А благодушные немцы, попивая пиво,

¹ Издательство не уточняет поэтические тексты, цитируемые Ириной Одоевцевой, сохраняя стиль и своеобразие авторского восприятия и дух того времени.

качают головами, посмеиваясь над *verrücktem Herr Professor*¹, и даже иногда поощрительно аплодируют ему.

Сегодня — совсем особенный день. Сегодня мой первый бал. Первый настоящий бал, на который я поеду.

Ведь в Петербурге я ходила пешком на балы — в валенках, проваливаясь по колени в снежных сугробах, держа в руках мешок с моими летними туфлями — бальных у меня там, конечно, не было, как и собственного бального платья — я ограничивалась платьями моей покойной матери, правда парижскими, наскоро подшитыми и неумело суженными мною самой. А тут я впервые еду на бал — в специально сшитом для этого случая белом шелковом платье с большим вырезом, широченной юбкой и туго-натуго перехваченной талией, причесанная парикмахером по-бальному, с тюлевым бантом в волосах, в парчовых бальных туфельках. Еду, правда, не в карете, а в такси, на котором заедут за мной Николай Оцуп и мой петербургский знакомый Борис Башкиров, «полупоэт», как мы называем «пишущих стихи без достаточных на то оснований».

Еду, тоже как полагается, слегка взволнованная, в самом праздничном настроении — ведь первый бал своего рода событие в молодой жизни, и, хотя я уже два года жена Георгия Иванова, я чувствую себя почти дебютанткой.

И вот я на балу. И меня тут сразу охватывает разочарование. Нет, опять «все не то и не так». Наши балы в Петербурге были совсем другие — в них было что-то великодержавное, какое-то трагическое величие и великолепие.

В огромных колонных залах черно-мраморного особняка графа Зубова на Исаакиевской площади, нетопленных и тускло освещенных, мы, щелкая от холода зубами, танцевали и веселились до упаду, до головокружения. Помню,

¹ Сумасшедшим профессором (нем.).

на одном из этих балов, зимой 1920 года, кто-то из присутствующих долго добивался у всех — где здесь можно раздобыть вино? И на ответ, что здесь никакого вина нет и не было, недоуменно развел руками, указывая на меня:

— А где же тогда эта девушка клюкнула? Ведь без вина такой веселой не будешь!

А здесь все мелко и плоско, на всем какой-то налет мелкобуржуазности, мелкотравчатости. Все очень прилично и чинно и должно, казалось бы, нравиться — и оркестр, и сияющие люстры, как в зеркале отражающиеся в наощенном паркете, и кусты цветов в кадках, и буфет в глубине зала с батареей бутылок, тортами, пирожными и сэндвичами. А вот мне не нравится, совсем не нравится. Я, оглядевшись, даже начинаю испытывать мне малознакомую скуку.

Но хотя бал и не оправдал моих надежд, чувство разочарования и скуки растаяло, как только я начала танцевать, и мне снова стало весело. Не так, как там, но все же весело. Я даже нахожу, что здесь забавно. Конечно, хуже, чем в Петербурге, но по-своему, по-берлински, — хорошо.

А меня, я это сознаю, просто грызет тоска по родине. Отсюда и мое недовольство всем и вся.

Здесь много знакомых петербуржцев, много писателей и поэтов, мне известных только по именам. Оцуп, приехавший в Германию раньше меня, знакомит меня с ними — с А. Толстым, с Минским, с Эрнбургом.

В перерыве между двумя танцами ко мне подходит Башкиров.

— Здесь Игорь Северянин. Хотите познакомиться с ним?

— Игорь Северянин? Хочу! Очень хочу! Покажите, где он. Я его никогда не видала. Даже на фотографии. Где он?

— Вон там, в углу за третьим столиком, — указывает мне Башкиров, — со своей женой-принцессой, как он ее на-

зывает, хотя эта чухоночка совсем и не похожа на принцессу. Видите?

За третьим столиком действительно сидит скромная молодая женщина, вовсе не похожая на принцессу, в темном платье с длинными рукавами, просто, по-домашнему причесанная и даже не напудренная — нос ее предательски поблескивает. Рядом с ней долговязый брюнет в длинном старомодном сюртуке. Черты его большого лица так неподвижны, что кажутся вырезанными из дерева. Он держится прямо, высокомерно закинув голову. Весь он какой-то чопорный, накрахмаленный, как его непомерно высокий, подпирающий подбородок воротник. Таких не только в Берлине, но и в Петербурге уже не носят.

Он сидит молча, с напряженно-беспокойным видом путешественника, ждущего на вокзале пересадки, и явно чувствует себя здесь совсем не на своем месте. Никто не обращает на него внимания. Никто как будто не знает, кто он.

Неужели это на самом деле Игорь Северянин? Тот самый «гений Игорь Северянин», гордо провозгласивший о себе:

Я покорил литературу,
Взорлил гремящий
на престол?

Нет, совсем не таким я представляла себе «принца фиалок».

— Я пойду, скажу ему. Подождите тут. Я сейчас приведу его.

Башкиров отправляется за Северяниным, а я стою у стены и жду.

Я вижу, как Башкиров, подойдя к Северянину, что-то говорит ему и тот отрицательно качает головой, не двигаясь с места.

Башкиров возвращается ко мне, смущенный и растерянный.

— Представьте себе, он заявил, что привык, чтобы женщины сами представлялись ему, а он ходить знакомиться с женщинами не согласен. Ни в коем случае!

— Вот какой важный! Ну и бог с ним. Обойдусь без знакомства с гением Игорем Северяниным.

И я, даже не взглянув в его сторону, иду танцевать с пригласившим меня очередным партнером. Я танцую и больше не думаю о Северянине до самого конца бала, когда передо мной, уже уезжающей, в холле неожиданно появляется он сам в сопровождении Башкирова.

Я хочу пройти мимо, но он загораживает мне дорогу.

Башкиров торжественно представляет его мне. Северянин кланяется, и я подаю ему руку. Он целует ее с таким видом, будто этим оказывает мне величайшую милость. Должно быть, по его понятиям, не он женщине, а она ему должна целовать руку.

— Вы уже уезжаете? А мне хотелось бы поговорить с вами. Не согласитесь ли вы, повременив с отъездом, посидеть со мной за моим столиком? — И подчеркнуто добавляет: — Очень прошу!

— Нет, спасибо, — говорю я. — Мне пора домой — я устала.

Мой отказ, видимо, удивляет его, тень недовольства ложится на его лицо.

— Не желаете? А я хотел поговорить, познакомиться с вами по-настоящему. — И уже с обидой: — Впрочем, не в моих правилах навязываться женщинам — уезжайте себе с богом!

— Нет-нет, — вмешивается Башкиров, — этого так никак нельзя оставить. Можно организовать встречу, — он просительно оборачивается ко мне, — у вас. Завтра или послезавтра? Чудесно получится!

— Ничего против такого проекта не имею, — важно заявляет Северянин.

— Вот и отлично! — обрадованно вскрикивает Башкиров.

Мне ничего не остается, как согласиться:

— Если вы свободны, Игорь Васильевич, приходите ко мне послезавтра, во вторник, чай пить — со своей женой, в четыре часа.

Лицо его светлеет — ему, по-видимому, приятно и мое приглашение, и то, что мне известно его имя, отчество.

— Почту за честь...

Он снова величаво целует мою руку.

— Я заеду за вами, — обещает ему Башкиров, — отвезу вас! Ждите!

И я, кивнув Северянину на прощание: «Так до вторника, Игорь Васильевич!» — спускаюсь по лестнице к выходу.

Во вторник я, накупив печений и пирожных к чаю, жду с четырех часов Игоря Северянина и его жену. Жду с нетерпением.

Я сегодня иду обедать к немецким друзьям моего отца. Мне надо успеть переодеться перед тем, как ехать к ним.

Но вот уже шесть часов, а их все нет. Я начинаю нервничать. Если они опоздают еще на полчаса, я не смогу их принять. Опаздывать на немецкий званый, чинный обед совершенно невозможно. Меня больше никогда не пригласят и сочтут варваркой, с которой надо раззнакомиться.

В четверть седьмого они наконец появляются. Северянин входит с папиросой в зубах, за ним перекошенный от волнения Башкиров и не менее взволнованная «принцесса».

Я, скрывая свое недовольство, любезно здороваюсь с ними и, не дожидаясь объяснений, отчего они так опоздали, предупреждаю их, что, к моему большому сожалению, мне

самой придется уехать через полчаса. Но чай мы все же успеем выпить.

— Садитесь, пожалуйста!

«Принцесса» робко садится на край стула. Северянин, продолжая стоять, скептически осматривает стол.

— А вино? Вино у вас есть? — резко спрашивает он.

— Вина у меня нет, — говорю я.

— Чая не пью, — отчеканивает он. — Пошлите за вином! На мой счет!

Я удивленно оборачиваюсь к растерянному Башкирову. Он торопливо и сбивчиво объясняет, что Северянин по дороге ко мне заходил в разные кафе и бары подкрепиться — для храбрости, для вдохновения.

— И вот... Ради бога не сердитесь. Простите. Поймите...

Нет, я не сержусь. Я пододвигаю пирожные «принцессе», и она испуганно кладет одно из них на свою тарелку, но прикоснуться к нему или к чаю, принесенному ей горничной, не решается.

— Едем в ресторан! — требует Северянин. — Едем! Что тут сидеть и киснуть? Скучища!

Тут сидеть ему действительно ни к чему. Я шепчу Башкирову:

— Уведите его скорее!

Башкиров берет его под руку.

— Правильно, едем в ресторан! Едем! — и ведет его к двери.

«Принцесса», красная от стыда, встает, протягивает мне руку лодочкой и шепчет:

— Простите, ах, пожалуйста, простите!

Северянин останавливается на пороге и поворачивается ко мне:

— А вы? Одевайтесь скорее! Я без вас не уйду. Без Одоевцевой не уйду! Живо! Не копайтесь!

Башкиров тащит его.

— Одоевцева придет прямо в ресторан. Честное слово, придет! Через пять минут придет, — уверяет Башкиров.

— Только не копайтесь, — снова повелительно кидает мне Северянин. — Без проволочек! Терпеть не могу ждать! — И наконец дает себя увести.

«Принцесса» чуть ли не плача уходит с ними.

— Простите. Ради бога простите! — все повторяет она.

Я запираю за ними входную дверь и облегченно вздыхаю. Слава богу, ушел! Ведь он мог начать бить посуду, скандалить. А так все обошлось благополучно.

Впрочем, не совсем. Спускаясь по лестнице, он звонил во все квартиры.

«С ним все навсегда кончено! Больше я никогда не встречусь с ним, никогда!» — решаю я и бегу переодеться.

На следующее утро ко мне является Башкиров с просьбой понять — простить: «Северянин в отчаянии. Всю ночь не спал. Он мечтал очаровать вас, как своих бесчисленных поклонниц когда-то, и, для вдохновения, по дороге к вам...»

— Я совсем не сержусь, — прерываю я его. — Передайте ему — понимаю и прощаю. Но видеть его больше не хочу. Никогда!

Башкиров театральным жестом хватается за голову:

— Это кошмар! Катастрофа! Ведь он хочет прийти сегодня же к вам. Вы не можете быть такой жестокой.

— Перестаньте. Никакого кошмара, никакой катастрофы. Скажите ему, что я желаю ему и его эстоночке всего хорошего и кланяюсь ему. Пусть не огорчается. А вы перестаньте приставать ко мне, не то я действительно рассержусь, и не только на него, но и на вас, и вас тоже не пожелаю видеть.

Прошло несколько дней, полных разнообразных впечатлений — ведь тут, в Берлине, «ощущения бытия» не похожи на прежние, петербургские. Занятая этими, новыми

для меня «ощущениями», я совсем не думала о Северяни-не, Башкиров тоже остерегался напоминать мне о нем.

Я сижу у себя и читаю, когда горничная в белом перед-ничке — здесь они еще не перевелись — докладывает мне, что меня спрашивает какой-то господин. Нет, фамилии своей он не назвал.

Я удивлена. Я никого не жду. Мои друзья и знакомые просто — без доклада — проходят прямо ко мне. Кто бы это мог быть?

Я выхожу в прихожую. У окна стоит Северянин в паль-то, со шляпой в руке. Увидя меня, он весь дернулся и ри-нулся ко мне так стремительно, что я отступаю на шаг.

— Вы не выгоните меня? Я уезжаю завтра, но я не могу уехать, если вы не простите меня. Не могу... — Он очень бледен, голос его дрожит. — Поймите, как для меня это ужасно. Дожить еще и до того, что женщина отказалась меня принять!

Я протягиваю ему руку:

— Успокойтесь, и раз вы пришли — оставайтесь. Пой-дем ко мне.

— Не выгоните? Правда?..

Я иду по коридору, он за мной. У себя я сажусь на диван и указываю ему место рядом с собой, но он остается сто-ять, даже не сняв пальто.

— Снимите пальто и садитесь, — говорю я.

Он стоит передо мной, долговязый, застенчивый, в полной растерянности.

— Я только на минутку, не задержу вас. Но если поз-волите... — И он, сняв пальто, садится не рядом со мной и не в кресло, а на стул. Так робко, что я не узнаю в нем того «бального», надутого, высокомерного, накрахмален-ного Северянина.

— Мне было необходимо видеть вас, я бы просто не мог...

Не мог? Чего бы он не мог? Но я не спрашиваю.

А он, будто убедившись, что теперь я пойму его, продолжает торопливо:

— Я очень, я страшно несчастен. Вы себе и представить не можете, до чего! И вот то, что со мной, которому женщины поклонялись как богу, могло случиться такое, меня просто доконало, помните рассказ Чехова? Бедная девушка, совсем бедная, полуголодная, целый день бегала по объявлениям в поисках работы, изнемогая от усталости, и вот вечером в какой-то конторе швейцар не впустил ее и, так как она все же хотела войти, толкнул ее в грудь: «Место уже занято! Говорят вам, занято!» Не грубо, совсем легко толкнул, а она повернулась, добежала до моста и бросилась с него в Неву! Все могла перенести, а это ее доконало. Как ваш отказ принять меня.

— Но ведь я ничем не обидела вас, — протестую я, краснея, — право, ничем. Я боюсь пьяных. Я боялась скандала.

— Да, да. Вы не могли иначе поступить. А обо мне вы не подумали. До меня вам никакого дела не было.

Я сознаю, что он прав. Мне действительно не было дела до него. А сейчас... Сейчас есть. И еще какое! Мне его очень жаль. Мне хочется утешить его. Но чем?

И я говорю наобум первое, что мне приходит в голову:

— Я никогда не была на ваших поэзовечерах, но знаю, что у вас был невероятный, небывалый успех, и я...

Он не дает мне закончить:

— Да, да. Небывалый, громокипящий успех. Уличное движение останавливали, когда я выступал в зале под Думской каланчой. А в Керчи, в Симферополе, на Волге лошадей распрягали, и поклонники на себе везли меня, триумфатора! Страшно вспомнить, какое великолепие! Купчихи бросали к моим ногам на эстраду бриллиантовые браслеты, серьги, брошки...

Он весь преображается, голос его звенит.

— До чего чудесно было! Сказка из «Тысячи и одной ночи». Даже еще чудесней! Сологуб возил меня по всей России, и всюду вечный праздник, беззакатное торжество! На меня как из рога изобилия сыпались цветы, слава, влюбленные женщины... И деньги! Сколько денег! Просто золотой дождь!

Он мечтательно закрывает глаза и улыбается. Я впервые вижу его улыбку — и на балу, и в злосчастный вечер его прихода ко мне у него было самоуверенное, злое, почти наглое лицо, а теперь его улыбка придает ему что-то беззащитное, наивное, почти детское.

— Если бы я тогда копил деньги, я бы и сейчас был богатым человеком. Но я деньги безрассудно отдавал другим, себе брал только славу. Но и она оказалась, как все в моей жизни, чертовыми черепками. Все обмануло, все погибло — все!..

Он тяжело вздыхает.

За окном ранние зимние сумерки. В комнате полутемно. Я протягиваю руку к выключателю.

— Нет-нет, не надо. Не зажигайте, — просит он, — так мне легче говорить. Сумерки создают особое настроение.

Да, настроение действительно особенное. Совсем не то, что я ждала, когда почти против собственной воли впустила его к себе.

Мне вдруг начинает казаться, что время покатилося назад, мы с ним сидим не в берлинском пансионе, а у меня, на Бассейной, 60, в Петербурге, и я с жадной, молодой любознательностью слушаю его, как когда-то слушала Гумилева, стараясь запомнить каждое его слово.

А он говорит:

— Подумать страшно — я живу нахлебником у простого эстонца-мыйжника. Только оттого, что женился на его дочери. Я для него не знаменитый поэт, а барин, дво-

рянин, сын офицера. За это он меня и кормит. Ему лестно. А я ловлю рыбу. И читаю свои стихи речным камышам и водяным лилиям — неньюфарам. Больше ведь некому. Кругом глушь, мужичье. Ночью я часто сажусь в лодку и выезжаю на середину реки. Звезды отражаются в воде, камыши так ритмично, так мелодично шуршат, как аккомпанемент моим стихам. Я читаю и сам слушаю свой голос и плачу. Мне начинает казаться, что я не читаю, а только слушаю то, что поют «хоры стройные светил». И тогда почти смиряется души моей тревога...

Он неожиданно обрывает и будто спохватившись:

— Простите. Я, как лягушка, бесстыдно расквакался. Я, должно быть, кажусь вам жалким, презренным паяцем. Но если бы вы знали, как я измолчался, как мне необходимо говорить... Вам правда не надоело меня слушать? Мне сейчас хочется говорить. Говорить без конца. Я изголодался по слушателю. До чего изголодался! Вам не скучно?.. Действительно не скучно?..

— Нет-нет. Напротив, — уверяю я его, — продолжайте, пожалуйста.

— А о детстве можно? — робко осведомляется он.

— О чем хотите. Мне все интересно.

И это правда.

— Раз уж вы согласны слушать, то и пеняйте сами на себя.

И он начинает рассказ о своем детстве. Очень счастливым, «золотом детстве» — зимой в Петербурге, летом в имении, и о катастрофе, завершившей его. В катастрофе я не совсем разобралась, не все в ней поняла, но переспрашивать его я не решаюсь. Не ручаюсь, что это все так именно и было. По его словам, его мать, молодая жена старого генерала, очень рано овдовела. Генерал — ревнивый старик — оставил завещание, по которому все его большое состояние, в случае, если его вдова снова выйдет

замуж, переходит их маленькой дочери, а в случае ее смерти — родственникам генерала.

— Что же, погоревала она немного, как полагается, но, конечно, захотелось ей любви. Вот и решила она выйти замуж за поручика, давнишнего ее молодого поклонника, постоянно бывавшего еще при муже-генерале в их доме. Девочка была к нему сильно привязана, и он к ней. Все было как нельзя лучше. Все любили друг друга и были счастливы. О завещании и не вспомнили — дочка обожала мать и считала ее, а не себя хозяйкой петербургского дома, имения и денег. Так прошло несколько счастливых лет, во время которых, к общей радости, и я успел родиться. Девочка была уже подростком. И вдруг она заболевает менингитом и умирает в три дня. Мать чуть не помешалась от горя. Но тут на нас обрушился новый удар — нотариус объявил ей, что она должна покинуть свою квартиру, так как и дом, и имение, и капитал принадлежали дочери и переходят к родственникам генерала. Так моя мать все сразу и потеряла, и настало бедственное существование на жалкие гроши жалованья поручика Лотарева. Родственники покойного генерала обобрали ее до ниточки.

Северянин тяжело вздыхает:

— Да, много горя мы тогда с мамашей хлебнули. Пожалуй, не меньше, чем я теперь. Постыдное, тяжелое начало жизни. Постыдный, тяжелый конец. Сколько страданий и унижений. От них вся душа в ссадинах, синяках и кровоподтеках. Судьба тогда была и теперь бьет меня в морду, как в бубен, и не только в морду, но и в душу. А ведь душа у меня гордячка, неженка, небожительница. Каково ей? Понимаете ли вы?

Да, понимаю. Понимаю и сочувствую. Молча. Что уж тут скажешь? И он, не дождавшись моего ответа, продолжает:

— Я приехал сюда в надежде переиздать мои книги. Но куда там! И слышать не хотят, а всякую бездарь и шваль

Одоевцева И.

О 44 На берегах Сены : мемуары / Ирина Одоевцева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-389-30767-4

Ошеломляющий успех книги «На берегах Невы» вдохновил Ирину Одоевцеву на создание второй части мемуаров — книги «На берегах Сены», посвященной жизни русских литераторов в эмиграции. В 1922 году Одоевцева уехала из России и большую часть жизни провела во Франции, но в 1987 году вернулась на родину. Как и в первой книге, автор рассказывает прежде всего не о себе, а о тех людях, с которыми свела ее судьба. Персонажи этой книги — Г. Иванов, К. Бальмонт, И. Бунин, И. Северянин, Г. Адамович, М. Цветаева. По сути, весь оказавшийся в изгнании русский Серебряный век.

Книга Одоевцевой рассказывает о поколении людей, сознававших себя хранителями и продолжателями русских литературных традиций. Написанная без лишнего пафоса, легко и увлекательно, она дает возможность почувствовать дыхание живой жизни тех легендарных лет.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ОДОЕВЦЕВА
НА БЕРЕГАХ СЕНЫ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.10.2025.
Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,76. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFF-39965-01-R